

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 48 (899)

Воскресенье, 15 сентября 1940 г.

Цена 30 коп.

Важнейшие задачи союза писателей

Решением президиума союза советских писателей исключен из союза, как человек, проводящий в своих произведениях антисоветские взгляды, писатель Авдеенко.

По крайне низкому художественному уровню своих произведений писатель это — никакой, раздутьый всякой рода благо-делями за счет «пролетарского происхождения» и в ущерб советской литературе. Тем не менее ряд так называемых произведений этого автора («Судьба», «Государство — это я», «Миллиардерша», «Закон жизни») нуждаются в разборе.

Автор проповедует в них худшие буржуазные взгляды и наивности в отношении любовных семейств; проповедует моральную распущенность, грубый физиологизм, хамское отношение к женщине. В одних случаях он приписывает эти черты нашей советской молодежи, клевеща на нее. В других случаях он наивает людей враждебных «романтинкой» разгула.

Что общего может иметь эта гнилая проповедь с коммунистической моралью? Что общего могут иметь эти взгляды с истинной поэзией, на протяжении веков воспевавшей любовь как глубокое и сильное чувство, вдохновляющее людей на высокие дела?

Автор проповедует эти взгляды потому, что в борьбе коммунизма с капитализмом симпатии автора припадают отщепенцам и выродкам, отрывая капитализма. Принизить, очернить советских людей, романтизировать «героев» вражеского лагеря и их подлую мораль — вот цель всей, с позором сказать, творческой деятельности Авдеенко.

Деятельность эта разоблачена и осуждена советской общественностью и печатью. Но в нашей литературной жизни есть некоторые явления, облегчающие возможность враждебных влияний на литературу молодежи, и не только молодежи. И из этого следует сделать серьезные выводы.

У нас свыше трех тысяч писателей, организованных в союз писателей, пишущих более чем на пятидесяти языках. Подавляющее большинство из них — это способные люди, честные труженики-литераторы. Наша советская многонациональная литература создается ими. Среди них есть и такие, которых знает вся страна, весь народ. Многие имеют широкий круг читателей.

По возрастному составу союз писателей — союз молодой, и растет он за счет талантливой молодежи из среды советской интеллигентии.

Главная задача союза писателей — идеально-художественное воспитание этих кадров, особенно молодых, воспитание их в духе коммунизма. С этой задачей союз писателей справляется плохо, а там, где плохо поставлено коммунистическое воспитание, там всегда находится благодарная почва для капиталистических пережитков и враждебных влияний.

Известно, что вопросы материально-бытового характера, вопросы административно-организационные, например, преобразуются в работе союза писателей над вопросами литературными, творческими, над вопросами идеально-политического воспитания литераторов. С другой стороны, практика работы таких организаций, как Литературный фонд и Управление по охране авторских прав, ведущих материально-бытовой стороной жизни писателей, такова, что всякой рода речи и тупеяния получают возможность «легкой», нетрудовой жизни, создавая вокруг благородного литературного дела атмосферу изживленности и безделия.

Слабость коммунистического воспитания и легкая возможность для врача и тупеяния получить «пособие» или аванс под несуществующую работу, т. е. жить без труда — вот почва для нигилизма и боязни нравов, почва для кукольных «сверхчеловеков» типа Авдеенко.

Нет, не таков моральный облик писателя социалистического общества! Это писатель народной жизни, писатель правды и образованности, писатель-учитель и терпеливый и любознательный ученик, писатель, который беззаветно служит своим героям и народу, писатель-труженик и скромный человек, знающий цену художественному слову и любви ради наций.

Социалистическая жизнь — самая передовая в мире теория Маркса — Ленина — Стالина позволяют советскому писателю быть самым правдивым и объективным из всех писателей, бывших до него. Но объективность фотографического аппарата. Советский писатель страсти любит свое социалистическое отечество, свой народ. Он любит людей, неустанных и геройским трудом создающих славу и мощь своего социалистического отечества. И он ненавидит его врагов — врагов всего труда, щеголяющих над ним.

Есть еще — и не только среди чуждых людей, а и попросту среди людей мелкотравчатых — литераторы, которые по собственному образу и подобию показывают наших людей скучными, серепыми, однолиппными, этакими наивными простаками. Не очень-то это похоже на людей, перелетевших через Северный полюс, освободивших почти двести миллионов людей от многовекового цинизма, приобщивших в течение одного года двадцать три миллиона людей к социалистической жизни, высвободив их от гнета капитализма.

Советский писатель знает, как труда и кровопролития была и будет борьба за коммунизм. Советскому писателю нетрудно преумножать в своих произведениях силу врага, делать его ничтожным, малевать его одной краской. Этим не возмочешь побед коммунизма, а достичь нечестивых результатов. Правдивый поднокорный показ людей коммунизма, их идей, их деяний, их морализма, их истинной поэзии, на протяжении веков воспевавший любовь как глубокое и сильное чувство, вдохновляющее людей на высокие дела?

Такого писателя и должен воспитывать союз писателей.

Подлинный литератор знает цену слову, любит его, оттачивает его. Глупыми пустышками являются представления, будто любовь к форме есть формализм или «снобизм». Без законченной художественной формы любые, самые умные и революционные идеи и замыслы еще не дают художественного произведения, они будут свидетельствовать только о хороших намерениях.

Поэтому борьба за высокое художественное качество, за мастерство является в наших условиях одной из сторон коммунистического воспитания советского литератора.

Для того чтобы дело воспитания советского литератора шло успешно, необходимо некоторые условия:

1. Надо сломать имевшую распространение среди известной части квалифицированных литераторов пеховую замкнутость. Еще существует в литературе такое отношение к молодому писателю, при котором ему, дескать, надо лет пятнадцать походить в беспечности и невниманием, а потом можно пронести его и в мастера. Эти пеховые наивности надо ломать. Надо любовно и терпеливо выращивать молодого литератора, систематически работать с ним и не бояться смело выдвигать и поощрять всякое подлинное художественное дарование.

2. Вместе с тем не надо форсировать вступление на профессиональный литературный путь всякого молодого автора, написавшего первые стихи, первую книгу, не знаящего жизни и не выработавшего павловских труда. И уж тем более крепко раздувать из самых благих намерий людей, талант которых еще не определился, выдвигать как «пролетарское происхождение», за «хорошую тему» и просто из целей демагогических.

3. Надо терпеливо работать со всеми советскими литераторами и с так называемыми «известными» и с «неизвестными», со всеми добросовестными литературными работниками, которых у нас большинство. Нельзя так называемым «известным» смотреть сверху вниз на «неизвестных», забывая, что они сами были когда-то «неизвестными», забывая, что люди учатся и растут. Если из каждого деяния или даже двадцати писателей союза советских писателей можно воспитать хотя бы одного, произведения которого получат большое, широкое общественное значение, какой это илюзия для всей советской литературы! Но для этого надо работать со всеми добросовестными работниками литературы, иметь к ним внимание и уважение.

Вместе с тем надо создать в литературной среде атмосферу презрения к тупицам, халтурщикам, любителям «легкой» жизни и выводить их из свежей воды.

4. Надо перенести главное внимание в работе союза писателей на вопросы идеально-художественного воспитания литератора. Обсуждать на заседаниях президиума, правления с привлечением широкого круга писателей и на специальных конференциях отдельные произведения и общие вопросы литературы; поощрять и развертывать лискуссию между различными направлениями в области литературных форм, помня о том, что социалистический реализм подразумевает нечто иное, чем письменное изображение.

5. Надо давать отпор враждебным взаимным и тенденциям в литературе, где бы они ни проявлялись — у «известных» или у «неизвестных». Надо воспитывать кадры писателей и критиков в духе большевистской принципиальности, помогая изживать пережитки ложной пеховой этики и политической наивности, свойственные известной части советских литераторов и используя остатками людей враждебных.

Таким путем союз советских писателей сможет выковать невиданно широкие и все растущие кадры писателей-борцов за дело Ленина и Сталина, писателей социалистического отечества, свой народ. Он любит людей, неустанных и геройским трудом создающих славу и мощь своего социалистического отечества. И он ненавидит его врагов — врагов всего труда, щеголяющих над ним.

Социалистическая жизнь — самая передовая в мире теория Маркса — Ленина — Стальина позволяют советскому писателю быть самым правдивым и объективным из всех писателей, бывших до него. Но объективность фотографического аппарата. Советский писатель страсти любит свое социалистическое отечество, свой народ. Он любит людей, неустанных и геройским трудом создающих славу и мощь своего социалистического отечества. И он ненавидит его врагов — врагов всего труда, щеголяющих над ним.

ПРАЗДНИК КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

ЭЛИСТА. (От наш. спец. корр.). Открытие пленума союза советских писателей СССР, посвященного 500-летию «Джангар», предшествовало торжественное заседание республиканского юбилейного комитета. Доклад — «Джангар» — торжество эпического, национальной политики — сделал председатель Совнаркома Калмыцкой АССР и председатель республиканского юбилейного комитета тов. Н. Гарин. Тёплые приветствия от писателей братских республик участников заседания передали тт. И. Павленко, И. Пани (Украина), Ф. Нестор (Белоруссия), Сандро Эчели (Грузия), Хосе Намсаев (Бурят-Монголия), А. Токмагамбетов (Казахская ССР), А. Кутуй (Татарская АССР), С. Колесон (Карело-Финская ССР).

Пленум открыл краткий вступительный словом тов. А. Фадеев.

Красной нитью проходит, — говорят тов. Фадеев, — через все статьи, исследование, выступления, посвященные «Джангару», сравнение той мечты калмыцкого народа, которая была воплощена в образе счастливой страны Бумбы, с новой социалистической жизнью, которой добился калмыцкий народ с помощью русского народа и которая является осуществлением его мечты. Это сравнение имеет реальные исторические корни. Доказано, что эпос «Джангар» сложился в целом уже в период феодального строя. Но нет никаких сомнений в том, что как всякий народный эпос, его моральные и поэтические основы, были заложены значительно раньше, еще в период родового строя, того строя, которому один из величайших учителей марксизма Фридрих Энгельс посвятил блестительные строки в замечательной своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В «Джангаре» воспевается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» воспевается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный строй. Он воспроизводит культуру уже достаточно высоко развитого феодализма.

В «Джангаре» отражается идеальная страна Бумба в эпоху правления идеального бога Джангара. Это видно, соответствующий поэтизации «Джангару» отражает уже значительно более поздний и более сложный общественный стр

Литература правдивая и страстная

Неопровергнется ясно, что литература существует только для того, чтобы воспитывать человека, чтобы формировать его сознание. Все мы об этом знаем, все повторяют стилистическую формулу «писатели — инженеры человеческих душ», но эта конечная цель нашего писательского труда — строительство человеческой души — беспрестанно терпится в суете литературных бузней, в тысячелавном желании написать что-нибудь или как-нибудь «какое-все», тонет порой в разводинии писателя к своей собственной теме, заслоняется мелкими и преходящими задачами.

Какую силу приобрела бы советская литература, если бы все мы, прежде чем написать даже маленьку вещь, всерьез и по-честному отреагировали бы на вопрос, что есть эта новая вещь читателю, какие чувства в ней она затронет и разовьет, к чему позовет. Мне скажут, что все, начиная работать, тут и думают, но я отвечу, что, значит, мало думают. Если бы думали все, то, например, как о своей собственной судьбе, с полным и тревожным ощущением этой конечной цели литературы — у нас одно за другим появлялись бы произведения, волнующие и пугающие, а это, к сожалению, далеко не так.

Между тем именно теперь, когда вся организующая сила партии и все внимание советского правительства обращены на вопросы воспитания молодежи, когда, вслед за постройкой экономической базы социализма, во всей значительности стал вопрос о формировании человеческого сознания, именно теперь советская литература должна и обязана вспомнить о своей великой задаче, которую, к сожалению, стали рассматривать как некий трюизм, как некое общее место.

Мы очень привыкли «отображать» жизнь. Отображаем все, что угодно: историю, современность, быт, строительство, войну. Скверное это слово — отображать. В нем есть какая-то пассивность, функция зеркала, которую решительно все равно, что отразить, лишь бы отразить. Литература должна быть объективна и правдива, но это не значит, что она должна быть фотографом, — автор обязательно кому-то сочувствует в своей книге, кого-то недолюбливает.

Но «отображать», а выражать жизнь надо, выражать со всей страстностью человека, который любит один и ненавидит других, который хочет доказать читателю свою мысль, зарядить его, заставить волноваться и думать. Ходовая равнодушная книга ни в чем не убедит читателя, более того: она может привести его к неверному выводу. Ибо художественный

Валентин КАТАЕВ

Слово надо любить!

Писатель не зря зовется художником слова.

Тем же, чем цвет (краска) является для живописца, тем же, чем звук является для композитора, тем же, чем обем и пространство являются для скульптора и архитектора, — тем же самым является для писателя слово.

Но слово богаче.

Слово содержит в себе не только элементы цвета, ритма, звука, пространства и времени, слово не только является образом (либо бывает слово — образ), но слово прежде всего есть мысль. И это — главное.

Вот почему любовь к слову — необходимое качество, без которого писатель становится ремесленником. Вот почему писатель должен любить слово. В особенности же это относится к нам, писателям советским, современникам и участникам эпохи, величайшей в истории человечества.

Для того, чтобы быть художником, художником этой эпохи, нужно быть художником народным, то есть таким, слово которого легко и просто входит в самую народную гущу, было бы для всех людей ясно понятным и убедительным, трогало бы все сердца и возбуждало к укреплению энергии и волю к победе, вкусы к жизни.

Народу нужно слово полнокровное, свежее, чистое, богатое, неограниченное, умное, справедливое.

Перед советскими писателями стоят задачи громадные и почетные, темы разнообразные.

Народу нужны трагедии и романы, поэзии и волевили, сказки, песни, поэмы, сатирик, юмор, эпиграммы — все это не перечтешь.

Для того, чтобы быть писателем истинно народным, писатель должен уделить внимание всем эстетическим и идеальным требованиям народа. Народ хочет видеть себя в зеркале литературы. Он хочет видеть отраженным в зеркале литературы героями характеры своих лучших людей. Народ хочет видеть в зеркале литературы своих врагов, для того, чтобы не напоминать им еще сильнее. Народ хочет петь о своих победах и хочет петь о своей любви.

Удовлетворить эти требования народа писатель не сможет, если не будет любить слова, если не будет работать над стилем, если не будет создавать произведения, не только прекрасные по мысли, но и блестящие по форме, где каждое слово любовно выбрано, тщательно отшлифовано, засияло и поставлено на свое место.

Слово стоит в своем смысловом ряду. Вынутое из этого смыслового ряда и механически пересаженное в другой смысловой ряд, оно тускнеет. Бриллиант превращается в булыжник. Зеленый росток засыхает. Слово засыхает, превращается

в мертвый штамп, в равнодушную отписку.

Например: для того, чтобы изобразить широту, простор, могущество нашей родины, Пушкин писал:

Иль мало нас? или от Перми до Твери, от финских хладных скал до памятной Колхиды, от потрясенного Кремля, до стен недвижного Китая, Стальной щептино спекшей, Не встанет русская земля?

Это было прекрасно, ново и точно. Здесь каждое слово, каждый звук звучит несравненно смысловую нагрузку. Здесь противопоставление хладных финских скал и памятной Колхиды и потрясенного Кремля не только восхищено стихотворной формой, было не только игрой гениального писателя, но также наглядную географическую перспективу, выявленную историческими ассоциациями, политическими ассоциациями.

В издательстве «Художественная литература» выходит роман Сесара Араконда «Река Тахо», первый роман, посвященный геронческой борьбе испанского народа за свое освобождение, написанный испанским автором.

Это — книга о пастухах.

Перед читателем раскрывается новая, неожиданная и интересная мир. Если бы мы не знали, что действие происходит в наши дни, мы покорствовали бы себе перенесенным в XIV столетии.

Основным героем является пастух Чапарехо — негромотный деревенский пастух, глупый, темный, полуодуванчивый от одиночной жизни на горных настбищах, почти первобытной человека. Рождение и общественные условия приводят его к тому, чтобы таким оставаться всю жизнь. Чапарехо — рассказывает автор, — не стремился научиться грамоте и уничтожить классовые противоречия. Он не имеет никакой концепции... «Когда Чапарехо, как и все его товарищи, разбросанные георгики и надеждами, напряженно учится грамоте, слушает лекции Флоры и студента Суареса, жаждет вида в руках своего отца и оставляет бы там до сих пор пока его не снесли бы на кладбище, из-за синевой роши».

Этот темный пастух однажды, неожиданно для самого себя, был вовлечечен в борьбу за чистую жизнь.

Все началось со случайностей. Но было

известно, что пастухи, разбросанные георгики и надеждами, напряженно учится грамоте, слушают лекции Флоры и студента Суареса, жаждет вида в руках своего отца и оставляет бы там до сих пор пока его не снесли бы на кладбище, из-за синевой роши».

Каждое слово у писателя несет громадную смысловую нагрузку. Слово не может быть поставлено так, чтобы для заимствования ритмической пустоты, для «количества». Слово не может включаться в художественную ткань «на затылок».

Как будто бы это общезвестно и не требует обсуждения. Однако на-днях я прочел потрясающее по своему цинизму и полной нелюбви к слову высказывание Г. Шелтена в «последовании переводчика» к первому тому перевода поэмы Г. Флориана (Государственное издательство «Художественная литература», Москва, 1940 год).

...Как поэт я хорошо знаю, что в любом отрывке есть иерархия (курсив — Г. Ш.) образов, что одни — абсолютно необходимы, другие — существенны, треть — довольно случайны, четвертые — поставлены «на затылок»...

Оказывается, среди наших писателей еще широко распространено пренебрежительное отношение к вопросам стиля, оказывается, пропагандируются всяческие смехотворные «теории затычек». И это петербург. Нельзя лицензии, азиатской, азиатской книжной изображать людей и характеры нашей изюминки.

Получите конфуз. Слово надо любить. Над стилем надо работать.

ТЕТРАДЬ ПИСАТЕЛЯ

1

Однажды мне захотелось написать статью под названием: «Страдания старого Вертера». Она не должна была иметь ничего общего с гетеевским молодым Вертером. Ее темой я хотел сделать судьбу писателя, сдержанного своим искусством. Я собиралась начать с того, что пельза пишет в литературе на том основании, что ты тоже можешь писать, «как все». Начать с того, что тебя привела к искусству потребность быть собой. Что тебе не может радовать написание тобой, если египетская сеанская игра на нескользких лосках. Журналистика, литература проходит мимо этих умных равнодушии. Тогда был слово изменился, преподносит такое новшество, что прямо живу даешься! В Москве, в окнах фотографий вышивавшихся плакатов с этими наименованиями товаров: «Винзитки, удостоверки». Если можно «сессии», то есть пельза «установка»?

Чтобы заставить читателя любить или неподавлять, вовсе не обязательно кричать в книге и ругаться, не обязательно плачаться и жалобить читателя. Не обязательно гнушаться краской. Настоящая литература не кричит на читателя. Но под словом «плакаты» я имею в виду вспышки эмоций, что хотели проявить свою индивидуальность, по мере сил, в трех лосках.

Мастерство писателя вовсе не должно быть всецело направлено на изображение языка. Но это неизбежно.

Именно этот огонь авторской страсти зажигает молодые души стремлением к лучшему, именно этот огонь испепеляет писателя для него единственным средством создания произведений о врагах социализма — естественный отклик писателя на события в стране. Но из одной схемы — беспросветного изверга — мы

должны были бы хорошо, думал я, если бы писатель была тетрадь для всех его публикаций из области языка. Если бы он поборал словообразование, с которым надо бороться, а рядом с ними — такие, которые надо приветствовать и распространять.

Лет двенадцать назад я обратил внимание, что среди газетчиков и книжников бытует слово — «книжки». А не так давно вышло, подскажи, слово — «книжки». Кто это так давно вышло, подскажи, слово — «книжки». Кто это так давно вышло, подскажи, слово — «книжки». Кто это так давно вышло, подскажи, слово — «книжки».

Я пыталась написать, как пельза пишет в книге, что это чисто газетчики и книжники бытуют слово — «книжки». А не так давно вышло, подскажи, слово — «книжки». Кто это так давно вышло, подскажи, слово — «книжки».

Я пыталась написать, как кто-то сказал: «прославившая старушка», — это про старушку, любящую ходить с просьбами. Просыпалась — кажется мне очень метко! Зато вдруг лежала на диване и говорила: «Почему пельза «установка»?

Странный образ жизни ведет последние лет предлог «о». Он как будто решает вытеснить собою из речи все возможные соглашения. И ему повезло. Один репортер пишет: «Читатель просит обяснить о роли литературы...» Другой: «Разномыслы о том, что...» Крикун рассматривает «построение о петровской эпохе...» Литератор говорит: «И вину о том, что...» Крикун: «Попытка о том, что...»

Не пора ли остановить триумфальную колесницу в прошлом весма скромного предлога?

Но тут возникает другая сторона вопроса.

Чаще всего в загородности, в искалечении языка винят время, эпоху. Однако неизменное положение всех других фигур на доске, так пельза «попытала» в произведении литературы только ритмiku, только словарю, не пытаясь при этом на других страницах.

«Если у автора нет «слога», он никогда не будет писателем. Если же есть слог, свой язык, он, как писатель, не безнадежен. Тогда можно рассуждать о других страницах его писаний.

Достоевский допускает столь знакомый нам оборот: «Идея о том, что...» В «Дяде

Красиковом спас» Павел Александрович говорит: «На сегодняшний день...» И вот, ссылаясь на общий, нахальство в их кругу ходят. Тетрадь писателя, как фокус, должна собирать в себе тональные приметы языковых изменений, отражаемых газетой, улицей, бытом. Язык — стихия писателя. Если, вырванный из этой стихии, он не заходит, значит он не писатель.

3

Все это особенно касается молодых, начинающих литераторов.

Они переняли Брет Гартта говорят юноше поэту: «Тебя ведь никто не просит писать, ты по своей воле за это дело взялся, значит, надо платить». Он предлагал поэту платить редактору за то, чтобы тот напечатал его стихи. Это очень смешно. Так когда-то было в Балтийске, там вспыхнула «установка».

Но это у нас. То есть у нас юный поэт должен платить, но не деньги, а трутом над своими произведениями, над собой. И платить дорого.

В прошлом году я руководил студенческим литературным кружком.

В одном сборнике, посвященном юному поэту: «Тебя ведь никто не просит писать, ты по своей воле за это дело взялся, значит, надо платить». Он предлагал поэту платить редактору за то, чтобы тот напечатал его стихи. Это очень смешно. Так когда-то было в Балтийске, там вспыхнула «установка».

Молодые писатели словно побиваются защищаться как следят изъязвом, стыдом своих произведений. А вдруг, если они начнут уделять много внимания слову, их назовут пуританами? Или — снобами. Или еще посторонними. Детская болезнь!

Из-за этой болезни родятся на свет рукоюни-педиатры, которые немыслимо проще, хотя иногда их авторы обладают жизненной наблюдательностью и могут многое рассказать. Консультанты они опираются на содержание своих сочинений и препятствуют его обнаружить.

Как много мы не дочитываем до конца из-за негодного стиля. Правда, иногда мы читаем и плохое, но только по совету Юля Ренара, который сказал: «Нужно читать Поля Бурже, чтобы убить того Поля Бурже, которого каждый из нас носит в себе».

Неужели писатель может удовольствоваться такой ролью Поля Бурже?

В. ГРИГОРЬЕВ

Река Тахо

В издательстве «Художественная литература» выходит роман Сесара Араконда «Река Тахо», первый роман, посвященный геронческой борьбе испанского народа за свое освобождение, написанный испанским автором.

Араконда сумел очень хорошо показать, что борьба за национальную свободу требует не только доброй воли, но и дисциплины, и грамотности, и вооружения политическими идеями.

Чапарехо был нетронутый в своем неподвластии человек. Ему не пришлоось удалять на семье власти учителя. Ему никогда не приходилось слышать, что существует бульвары, что из них слагаются слова, а из слов книги, что научившись читать их, можно узнать много нового и что всему этому учатся в школе, как у плотника учатаются строгать, а у кузнецов ковать ложе.

Чапарехо ворвалась в одну семью, которую описывал автор. Один брат ушел с семьями, другая с красными, Бульваре, где некогда был завсегдатаем Поля Верлена, являлся для меня отголоском споров и дискуссий, которые часто ведем в Москве, на улице Воронцова.

Наша беседа пропомнилась мне, когда я прочитал «Реку Тахо».

Этот испанский роман, прекрасно вооруженный оптимизмом борьбы и знанием материала, роман, несущий новые идеи, не свободен от тех литературно-художественных недостатков, какими страдала и наша литература первых революционных лет.

Временами кажется, что на своих героях, на чудесном преображении и рост этих темных людей, на раскрытии их доблести, на их высокие порывы сам автор смотрит глазами, широко раскрытыми от изумления. Он точно и сам не предполагает, что эти забытые, угнетенные люди несут в себе столь благородные возможности, такие, какими это легче, чем трактуют идеи новых и опасных идеологий.

Латышский поэт Я. Райнис

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Немало талантливых поэтов знает латышская литература, но Я. Райнис (Янис Брининович Плешианс) у нее только один.

В Латвии не было и нет равных Райнису по таланту. Это — давно установленное мнение всего трудового латышского народа.

Пролетариат пенил автора «Далеких аккордов» и «Тихой книги» и в те пе-чальные годы, когда поэт блуждал по болоту обороночества и национализма, по бездорожью своеобразного культуртрегерски-патриархистского социализма. Восторженные читатели Райниса скорбели тогда о падении бытого бессстрашного буревестника, пламенного певца славных боев «Патого года», автора гернической драмы о борьбе легендарного Лачпесиса и Спилоды («Огонь и ночь»).

Огромнейшее впечатление произвело «Далекие аккорды» (1903 г.) Райниса. В этот сборник он включил все свои лучшие стихотворения, начиная с гимназических лет («Бородавка» и др.). Райнис поэтически выразил здесь самые сокровенные думы и чаяния народа. Он опроверглил глаубину и смелость мыслей и идей, пафосом ненависти и любви, небывалым в латышской блестящем мастерством формы, богатством жанров.

В своей поэзии Я. Райнис отражал все наиболее крупные события действительности. Форма стиха Райниса всегда определялась идеальным содержанием. Вот стихи, написанные в капун революции 1905 года.

Ваше головы закиньте
Ветру свежему навстречу!

призывают поэт. И предсказывает:
Нет, не последний это бой,
Не время нам трубить отбой...

Борьба без жертв невозможна, но все жертвы оккупятся стократ:

Пусть в битве падает герой —
Его заменит новый строй.

Не надо, однако, забывать, что это — не оригинал, а только — перевод. А даже самый лучший перевод — чаще всего — лишь отдаленное отражение оригинала. Наиболее удачно, до сих пор неизвестно переведил Я. Райниса В. Брюсов, сумевший наиболее правильно понять мысли латышского поэта, одеть их в возможно близкую к оригиналу форму.

Я. Райнис выступил в латышской поэзии не только как революционер, но и как великий реформатор языка. Будучи всесторонне образованным человеком, владея многими языками, древними и современными, прекрасно знал и чувствовал фольклор. Я. Райнис в процессе своего творчества неуклонно создавал новые поэтические слова. Мелодичный, гибкий, но справительно белый крестьянский язык латышей он обогатил, поднял до уровня современной мировой культуры.

Я. Райнис был в замечательных драматургах. До него же лучше латышские драматурги не были свободны от идейной ограниченности, провинциальности, дилатапизма. Райнис написал много пьес. Из них самой талантливой идеей насыщенной была драма, в сущности, скорей трагедия, «Огонь и ночь» — «древняя песня в новом звучании», как гласят ее подзаголовок. Использовавшая в ней легенду (по позже Пумпурса) о знаменитом герое Лачпесисе, в корне переработана, отсюда и подзаголовок. В пьесе показана борьба латышского народа за свое всестороннее, полное обновление — за социализм. Но буквально через несколько месяцев поэт-идеалист уже с тоской воскликает:

Свобода гибнет, — новой жизни скрепа,
Вновь льется кровь — позором черноты, —
Порядок старый вновь встает из склепа!..

Атмосфера белого террора, бесчеловечной эксплуатации, лжи, интриг, бешеною погони за темными местечками в башнях, в акционерных компаниях — все это глубоко разочаровало поэта-гуманиста. Правда, впоследствии он занимал должность директора театров, был даже министром просвещения, но черный чрезвычайно проповедовал, что время — вилот до могилы — не переставал точить его сердце. Несомненно, отчаяние все чаще и чаще слышалось в его стихах. В дневнике его уже давно высказала мысль о самоубийстве. Он понимал знакомство со своими бывшими товарищами из ЦБ меньшевиков. Мысли об отеле из Латвии не покидали измученного, одинокого поэта, оторванного от костного класса», от его передового отряда. Но у него уже пахнуло лихорадкой, и в то же время когда не существует ни одного документа, ни одного письменного свидетельства о жизни этого поэта, так же как и ни одной его рукописи.

К числу таких редких литературных явлений должен быть отнесен классик туркменской литературы, известный по имени Кеминя и умерший по преданию лет назад. Популярность Кемина среди туркменского народа поистине беспримерна. Аульные мальчишки, восхищенные остроумием и ловкостью какого-либо из своих приятелей, кричат ему в похвалу: «Да ты у нас второй Кеминя». Аульный дайханы, удрученный настылью, сплевывает ему на голову, говорит скрупульно: «Что будешь делать, наласти какая, тут и сам Кеминя ничего не придумает».

На колхозном празднике, когда уже начинены залас речей и поглавий

и бахчи берет в руки дутару, чтобы открыть музыкальную часть той, из рядов

слушателей и слушательниц начинают раздаваться вибрики: «Огуль-бек», «спон»,

и после песен, сложенных Кеминя, колхозники, смеясь, будут слушать аnekdoty

о его жизни, анекдоты, знакомые с детства, но от этого не утерявшее ничего в своей занимательности.

Кеминя — не настоящие имя поэта. Подлинное имя его неизвестно. Кеминя — это псевдоним, каким назывался поэт сам. Слово «кеминя» может быть переведено на русский язык, как уничтоженный, бедный, ничтожный. Слово «кеминя» первоначально на Востоке в конце письма перед своей подписью, совершенно так, как никогда русские корреспонденты в письмах к своим друзьям ссыпали передней частью выше ставили перед полинией: «приветствуя к стопам». Или: «остаюсь Вашим покорным слугой».

Внимание покорных слугам издавался поэт, действительно бывший всю жизнь слугой своего народа, но никого ни в чём стоял не припадавший. Слыхать Кеминя с радостями, горестями, нуджами и стремлениями народа, и является причиной столь широкой его популярности. Бедный

и скромный писатель, никогда не забывший Я. Райниса. Индулс, Арина, Мингаутс

(Индулс и Арина), Илья Муромец («Илья Муромец») — настоящие геройские батыры. Интересно отметить, что латышский герой Индулс пророчески говорит латышскому кунцайтису Мингаутсу: «Не горюй, Мингаутс, Литва еще восприняет!.. Придет пора, и обединят нас народы! Ибо мы только единения можем побеждать... Время поведет нас в государство всех народов». Пророчество Индулса уже сбылось. Самостоятельные, свободные латышские и литовские народы обединены в великим братском многонациональном союзном государстве.

Могучие образы есть и в других пьесах Я. Райниса. Индулс, Арина, Мингаутс

(«Индулс и Арина»), Илья Муромец («Илья Муромец») — настоящие геройские батыры. Интересно отметить, что латышский герой Индулс пророчески говорит латышскому кунцайтису Мингаутсу: «Не горюй, Мингаутс, Литва еще восприняет!.. Придет пора, и обединят нас народы! Ибо мы только единения можем побеждать... Время поведет нас в государство всех народов». Пророчество Индулса уже сбылось. Самостоятельные, свободные латышские и литовские народы обединены в великим братском многонациональном союзном государстве.

Итого характера «Золотой конь» — философско-этическая политическая сказка о самоутверждении в борьбе за свободу народа. Форма сказочно-символическая.

В пьесе-сказке, конечно, иначе трак-

Стихи Кеминэ

ПОЭТ КЕМИНЭ. Портрет работы художника Анна-Нурова

Горе, горе! Замкнула ты тесный круг!
Скини кулах!* покажи смоляную косу!

Пусть я сердце свое упушу из рук,
Но твою все равно пощедрую косу.

Эти родинки — душу мою прожигли,

А глаза твои — грабить меня пришли.

Позабыл бы Меджун о косе Лейли,

Если бы только увидел такую косу.

Я в слезах на игрушках твои взгляну.

Запах рак окутал твою страну.

Завязи, если хочешь, узлом одну.

Но не пачкай землю вторую косу.

Жертвой буду тебе! не беги! постой!

В годы юные страшно ходить одной:

Подберется чужой в темноте ночной,

Да как схватит тебя за тугою косу!

Сколько лет Кеминэ? он утратил счет.

Старость хитрая лаже к тебе придет —

И она смоляную твою возьмет,

Усмехаясь — подарит седую косу.

* Кулах — головной убор.

БЕДНЫЙ

К баю вока белого крепче пристают с мольбою моей,
Я — ступень под ногами баев, я — песенка среди степей,

Пуще хума¹ замодав дутья будет: «Илати скорей!»

Богом прохлят, инде поинье в свет лоджий не входи бедняк.

Год начнется — за подаяньем он пойдет по дворам чужим,

А за пазухом — огниво, а тварива чилем²

И согнется белянка под горем, неизбывным огнем палим:

Соберутся в кочевые люди, сидят он дураком помы,

И его забудут в пустыне, чтобы заживо сгинул бедняк.

Баю — только богатство мило, край отюкский — мила беднякам.

Кто садится в две лодки³ сразу — достается речным волнам,

Доню нишего — хочет вскаки, и она пойдет по рукам.

Кеминя голодает, люди! — в жилах дым с огнем пополам,

И его забудут в пустыне, чтобы заживо сгинул бедняк.

¹ Хум — широобразный глиняный кувшин.

² Чилем — приспособление для куриения, род кальяна.

³ Кто садится в две лодки — пословица.

МОЙ КАЗИ

Прогулка моего кази — хвала.
Над степью пыль клубится, мой кази.

Моя хвала на плечи вам легла.
И хrustает поясница, мой кази!

Жара такая, что гулья нелья.

Вдруг лопнет сердце? залятъя нелья!

Свинье джейраном белым стать нелья.

Зачем же в степь стремится мой кази?

*Кази — судья.

Вы — лжесвидетель! — так трубит молва.

О, мой радиатель! ведь она права!

Вы продаите ложные слова,

Кому продают случится, мой кази!

Вас похваляю Кеминя убит.

Скажи: вы клевета на мой народ.

У белняков (расплаты час придет?)

Враждой пылают лица, мой кази!

Переводы Арсения Тарковского.

■ ■ ■

17 сентября — годовщина освобождения Западной Украины от панского гнёта. В бывшем дворце графа Бельского (г. Львов) сейчас помещается Дом писателя. НА СНИМКЕ: в читальне польского Дома писателя. Слева направо: писатель Б. А. Нижанкевичский, поэт Ю. Л. Нахт и писательница Е. З. Шемплинская.

Петр СКОСЫРЕВ

ВАШ ПОКОРНЫЙ СЛУГА КЕМИНЭ

В истории мировой литературы не так

уж часто случаи, когда поэт, все ли

литературное наследство которого соста-

вляет три четыре десятка коротких стихотвор-

ений, становится одним из знаменитейших

классиков своего народа, когда имя его

делается столь же популярным, как имена

легендарных героев самых распространенных народных сказок, известных каким-либо

известным каким-либо именем.

Кеминэ живет и складывает свои пес-

ни, для альбомов бедняков. Наделенный от

природы даром великодушия живого

остроумства, никогда не унывающий, не

бледнеющий, никогда не унывающий, не

П. Н. Сакулин

Скончавшийся 10 лет назад академик Павел Никитич Сакулин являлся крупнейшим деятелем советской литературной науки. Ученый доверил свою концепцию социалистической революции и примирил к ней, поставив свой талант и познания на службу народу.

За педагогическую деятельность П. Н. Сакулин не раз подвергался репрессиям со стороны царских властей. После Октября он профессорствовал в ИИИ МГУ, вел углубленную работу в ГУС и Лито Наркомпроса. Одновременно был председателем литературной секции ГАХИ и председателем Общества любителей российской словесности. В 1929 году П. Н. Сакулин был избран действительным членом Академии наук СССР.

Литературную работу П. Н. Сакулина начал в 1939 г. статья о «Записках охотника» Тургенева. Затем последовали статьи о Н. И. Новикове, Чехове, Помяловском, Белинском, Добролюбове, Златовратском и других. Он сотрудничал в большом количестве дореволюционных периодических изданий («Вестник Европы», «Голос машина», один из основателей которого он являлся), «Вестник воспитания», в советских журналах («Печать и революция», «Жизнь», «Культура театра»), участвовал в больших многотомных изданиях (энциклопедический словарь бр. Гранат, «История России XIX в.», «История литературы XIX в.», где состоял одним из редакторов).

П. Н. Сакулин интересовался вопросами упрощения русского правописания, состоял членом орфографической комиссии при Академии наук, выступил в горьковском издательстве «Народ», в 1917 г. книгу «Реформа русского правописания» и в том же году (в издании Синтеза) книгу «Новое русское правописание».

Из трудов П. Н. Сакулина надо отметить прежде всего его магистерскую диссертацию «Из истории русского идеализма. Ки. В. Ф. Оловеский, мыслитель и писатель», за защиту которой он получил в 1913 г. докторскую степень.

В 1918 г. вышла его книга о Тургеневе «Из жизни двух культур», в 1920 г. — «Пушкин и Радищев», в 1922 г. — «Некрасов и Русская литература и социализм», выдержавшая две издания (2-е издание — в 1924 г.), в 1925 г. — «Социологический метод в литературоведении» и «Синтетическое построение русской литературы», в 1926 г. — «Теория литературных стилей» и, наконец, в предсмертные годы вышли три тома его обширной «Русской литературы» (1928—29 гг.).

Всего П. Н. Сакулин опубликовал около полутораста литературных работ, в том числе стоящую особняком книгу «И. И. Пирогов, как педагог» (1907), исследование «Первобытная поэзия в связи с вопросом о процессе народно-поэтического творчества» (1905). Под редакцией Сакулина вышел ряд изданий, из которых надо отметить работы: «Социализм Белинского» (1925), «В. А. Жуковский» (из выпуска, 1915).

В. НАГЕЛЬ.

«Речи, статьи, письма»
Н. А. Островского

Издательство «Молодая гвардия» подготовило к печати сборник речей, статей и писем Н. А. Островского.

В первой части книги собраны речи Островского при получении им ордена Ленина, на IX Всеукраинском съезде ЛКСМУ, тезисы к выступлению на Х съезде ВЛКСМ, выказывания при обсуждении романа «Рожденные бурей».

Содержание второго раздела сборника составляют семь статей Н. Островского, напечатанных в разное время в газетах «Правда», «Известия», «Литературная газета» и в других органах печати. Среди них статья «О товарищеской критике», «За чистоту языка», «Нет ничего радостнее труда», «Рапорт Х съезду ВЛКСМ».

Публикация антологического наследства Н. А. Островского открывается его извещенным письмом к И. В. Сталину. Затем следуют телеграммы писателя на смерть А. М. Горького, письмо с автобиографией, которое Н. Островский послал в редакцию журнала «Молодая гвардия» вместе с рукописью первой части романа «Как закалялась сталь», и около 40 листов в различных общественных организациях, друзьям и родным,

С. БОНДАРИН

Измаильские наблюдения

Улица кончалась, в берегу Дуная, шла грунтовая дорога, обрамленная ярко зелеными бодякими канавами, отгадкой лягушек. Одиночные домики стояли на участках, возникавших из хаотичного блестела впереди, и оставались пустыми, тот, с которого Суворов бомбардировал крепость Измаила, а черноморские казакишли в лодках на штурм, — этот длинный низкий острый казаки совсем близко. Дунай подступал к самому порогу черных безлюдных рыбаков, домиков.

Остров Чатам — это уже румынский сторона. Насколько отдален сейчас измаильский берег, левый берег Дуная, насколько берег острова омретель. Часто жили — можно не увидеть там фигуры человека, хотя тут, на левом берегу, знают, что за пускими окнами домиков, оставленных рыбаками, склонят румынские наблюдатели. Не спускающие глаз с широких мониторов.

Что же, надо сказать прямо, тут есть на чем остановить взгляд, есть на что взглянуть, когда боевые башенные корабли и многочисленные сторожевики рядом стоят у пристани, когда на сигнальной матче, как ветер, отдувается ветром, подымается флаги сигналы...

Благодаря присутствию флотских городов Измаила — и без того очень южный, садовый, зеленый — стал еще на что-то сразу приблизен вид белого черноморского города, — таков Херсон, местами тающая в воде. Одесса.

Все напоминает здесь солнце и плоды Черноморья, уже трудно встретить что-либо, напоминающее о недавних оккупациях. Разве только пустой пьедестал, поставленный в свое время под памятник Суворову и после восемнадцати лет оставленный занятым фигуру короля Фердинанда.

Литературная газета

№ 48

Изучение творчества А. Блока

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) В институте литературы Академии наук СССР создана блоковская комиссия. Председатель комиссии В. Н. Орлов в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» сообщил:

— Жизнь и творчество великого русского поэта Александра Блока изучали многие литераторы. Однако какого-либо научного центра, обединяющего их работу, до сих пор не было.

В конце 1939 года в наш институт поступили богатейший личный и семейный архив Блока. Если учесть и обширные рукописные материалы, хранившиеся здесь ранее, то можно сказать, что сейчас есть, кроме того, значительные варианты. В Институте литературы готовятся и в торог «Блоковский сборник», в котором, помимо статей и исследований, будет опубликован ряд интересных воспоминаний и писем Блока.

Приближение двадцатипятилетия со дня смерти Блока (август 1941 года) и наличие такого архивного богатства потребовали создания постоянной комиссии, которая будет руководить не только планомерной публикацией изысканного блоковского наследия, но и работой по глубокому и всестороннему изучению жизни и творчества поэта.

Одной из основных задач блоковской комиссии является научная разработка блоковского архива и дальнейший сбор рукописных материалов Блока и о Блоках, а также воспоминаний о поэте и рассказов его современников. Комиссия будет подготавливать периодические «Блоковские сборники» с научно-исследователь-

скими статьями и неопубликованными материалами.

Начаты работы по подготовке первого фундаментального «Блоковского сборника», издание которого будет осуществлено совместно с ленинградским отделением Союза советских писателей к августу 1941 года. В этой книге намечены два раздела: «Писатели о Блоках» и научно-исследовательские работы о творчестве Блока. В Институте литературы готовится и в торог «Блоковский сборник», в котором, помимо статей и исследований, будет опубликован ряд интересных воспоминаний и писем Блока.

В 1941 году выходом 14-го тома (издательство «Советский писатель») будет завершено первое полное собрание сочинений Александра Блока. К 20-летию со дня смерти поэта предполагается, кроме этого, двухтомное издание поэтического собрания стихов и поэм Блока, включающего и наиболее значительные варианты. В план работы комиссии включена также и подготовка «академического издания» полного собрания сочинений и писем Александра Блока.

Большая и важная задача комиссии считает организацию в Ленинграде блоковского музея. — говорит том Орлов, — правильное и своевременное выступление «Литературной газеты» с требованием восстановления и превращения в музей последней квартиры Блока на ул. Декабристов. Там музей должен быть открыт к блоковским дням в 1941 году.

Литературные юбилеи Я. Купалы и З. Бядули

МИНСК. (От наш. корр.) Приближаются две знаменательные даты в истории белорусской литературы: в декабре — 35 лет литературной деятельности народного поэта-орленконоса Янки Купалы и в октябре — 30 лет литературной деятельности писателя-орленконоса Змитрака Бядули.

В комиссии по проведению юбилея Янки Купалы вспомнили: секретарь ЦК КП(б) Белоруссии т. В. Матин (председатель), народный писатель БССР т. Е. Уралова, президент Академии наук БССР т. К. Годлев, редактор газеты «Звязда» т. Горбунов, начальник Управления по делам искусств при Совинформбюро БССР А. Озорин, народный поэт БССР Якуб Колас, писатели Михаил Лынков, Михаил Климович, Пягнус Бровка и Филипп Пестрак. В комиссии по проведению юбилея Бядули — тт. Горел (председатель), Горбунов, Озирский, Янка Купала, Максим Таняк, Петро Глебка, Кузьма Чорны и Михаил Климович.

Юбилей З. Бядули будет отмечен общеполитическим фестивалем в Минске 2 октября, в Музее в помещении Первого белорусского государственного драматического театра. В драматическом театре в юбилейные дни пойдет пьеса «Соловей», а в оперном театре — балет «Соловей», написанный по однотемной повести юбиляра. В крупных городах республики будут проводены литературные вечера, а в школах — бесселы о творчестве писателя.

В Библиотеках БССР организуются выставки и витрины, посвященные творчеству двух старейших писателей.

Государственное издательство БССР выпускает сборники их произведений. Академия наук БССР намечает выпуск академического издания сочинений народного поэта Я. Купалы.

Юбилей З. Бядули будет отмечен общеполитическим фестивалем в Минске 2 октября, в Музее в помещении Первого белорусского государственного драматического театра.

В Библиотеках БССР организуются выставки и витрины, посвященные творчеству двух старейших писателей.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

Редакторы-составители словаря — Н. Ашукин, С. Ожегов и В. Филиппов.

Конференция по вопросам комедии

Всероссийское театральное общество и Всесоюзный комитет по делам искусств готовят трехдневную конференцию, посвященную советской комедии, которая будет состояна 15 октября. В программе конференции доклады: «Тенденции развития советской комедии» — М. Гус, «Театр комедийного репертуара» — Н. Горячков, «Комедийный спектакль» — Н. Агимов, и краткий обзор творчества советских комедиографов — Ш. Шварцман, В. Каткова, К. Финна, Н. Погодина, К. Краинова и В. Адрюкова.

В развернутых выступлениях по докладам будут поставлены вопросы о традициях русской классической комедии, комедийных актеров, по ходу спектакля и материалов о жизни и творчестве писателей, по фольклору, по литературно-художественным сборникам, по критике и литературоведению.

Этот спрашивающий представляющий большую ценность для библиотек, литераторов, критиков писателей, вышедших в коллекции «Советская литература и искусство».

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и мышления Академии наук СССР им. Марка.

В процессе работы над словарем в кабинете созданы картотека объемом в 22 000 карточек и приобретены копии словаря белорусского языка, составленного самим А. Н. Островским. Подлинник словаря находится в Ленинграде, в Институте языка и